Сердце просит счастья

Автор:
Татьяна Алюшина

Сердце просит счастья

Татьяна Александровна Алюшина

Однажды после спектакля актриса кукольного театра Мира находит маленького мальчика Петю, и с тех пор ее жизнь меняется. Мира и малыш привязываются друг к другу, но отец Пети неприятно удивлен такой странной дружбой и старается положить ей конец. Он, холодный и властный мужчина, совершенно не собирается делить любовь сына с кем-то еще. К тому же Мира совершенно не в его вкусе. А между тем жизнь приготовила обоим сюрприз…

Татьяна Александровна Алюшина

Сердце просит счастья

© Алюшина Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Мира и не заметила, как он внезапно появился перед ней, словно выскочил из-за угла или материализовался из ниоткуда. Никого вроде не было на ее пути, когда она стремительно и целенаправленно шла к дверям, и на тебе: раз – и стоит совсем маленький человечек, и такой весь серьезный, решительный, строго насупив бровки, ну прямо недовольный Гном Гномыч.

– Мне надо пописать, – заявил он обиженно, словно попеняв ей за недосмотр и дурное обращение, и добавил: – Прямо сейчас. Быстро-быстро.

– То есть объяснять, откуда ты взялся и кто такой, некогда? – уточнила Мира.

– Нет, – насупился еще больше мальчонка, поджав губки.

– Если очень быстро, тогда, наверное, лучше тебя понести? – предложила она.

Гном задумался на пару мгновений, видимо, прикидывая варианты, степень своего терпения и позволительно ли его нести незнакомому человеку, и с тем же серьезным сосредоточенным видом кивнул и протянул ей ручки.

– Ну, давай, – вздохнула Мира и, толкнув локтем подальше за спину свою большую сумку, висевшую на плече, наклонилась и подхватила ребенка на руки.

Разумеется, в их туалетных комнатах имелись и детские унитазы и сиденьица для них, и даже горшки, все-таки они кукольный театр, и основной их зрительный контингент составляют именно дети.

Но стоило ей опустить ребенка возле унитаза, он все так же недовольно-насупленно отодвинул ее руки, решительно заявив:

– Я сам, – и растолковал для полной ясности: – Я уже большой мальчик.

– Без вопросов! – вскинула она руками, соглашаясь с ним. – Я тебя там подожду, зови, если помощь понадобится.

И вышла из кабинки.

В туалетной комнате, кроме них, в данный момент никого не было, и немудрено: спектакль давным-давно закончился, зрители отшумели и разошлись, а персонал, кроме контролерш зала, в основном пользовался служебными туалетами. Мира прошла к умывальникам, наклонилась поближе к зеркалу и порассматривала наливающийся цветом небольшой синячок у себя на лбу.

«Нет, ну надо же было снова долбануть себя этим башмаком!»

Из кабинки донеслось какое-то сосредоточенное сопение и возня, словно недовольный еж копошился в листве, потеряв заветное яблоко.

«Или гном», – подумала она и усмехнулась своим мыслям.

– Ты как там, большой мальчик? – громко спросила Мира. – Помощь нужна?

В тишине ее голос прозвучал неожиданно звонко и гулко.

– Надо пимпу нажать, – ответил мальчонка, распахивая дверцу кабинки.

– Нажмем обязательно! А как же, – пообещала Мира.

На пимпу она нажала, но штанишки на нем ей все же пришлось немного поправить, что он безропотно выдержал.

– Руки мыть? – поинтересовалась она у него.

– Да, – отчего-то тяжко вздохнул ребенок и кивнул.

Для того чтобы деткам было удобно пользоваться умывальником, вдоль стенки стояли в ряд специальные пластмассовые табуретки в виде усеченных конусов разной веселой расцветки. Придвинув одну из них, Мира поставила на него парня, пустила воду, помогла ему накачать из баллончика мыльного раствора в ладошки и отошла надергать салфеток из аппарата.

Мальчишка долго, старательно намыливал ручки и столь же старательно и усердно мыл их под струей воды.

Совершенно ясно, что ему просто доставлял удовольствие сам процесс полоскания под водой.

– По-моему, все уже замечательно чисто отмылось, – предположила она.

– Да, – с серьезной рожицей рассмотрев свои мокрые ладошки, согласился Гном.

Она помогла ему вытереть ручки и, выбросив использованные салфетки в урну, развернула к себе и спросила:

– Так, а теперь ответь-ка мне, серьезный мальчик, ты чей?

А он посмотрел на нее… Нет, не так! Совсем не так!

Он поднял свое личико и посмотрел прямо ей в глаза своими большущими синими-синими глазищами, и в этот момент с Мирой случилось что-то очень странное – в районе солнечного сплетения что-то сжалось, дыхание перехватило, сердце заколотилось, а внутри разлилась такая… такая… как благодать, что ли… до слез, до спазма в горле.

Длилась эта странность всего несколько стремительных мгновений, но произвела на Миру ошеломляюще сильное впечатление.

Она смотрела в эти синие глазенки, казавшиеся ей отчего-то удивительно знакомыми, родными, и переживала настоящее потрясение, что-то сродни необычайному откровению.

Что это с ней? Она даже головой тряхнула, стараясь освободиться от наваждения, и пришла в себя.

– Я папин, – вернул ее в действительность голос малыша. – И бабушкин. – Он подумал и с сомнением добавил: – И мамин еще тоже.

– Ну, хорошо, – выдохнула Мира и, не удержавшись, погладила малыша по головке и улыбнулась. – Папин и бабушкин. А звать-то тебя как?

– Звать меня Петя, – громким, четким голосом отрапортовал пацан. – Фамилия моя Барташов.

Фамилию свою он произносил по слогам, тщательно рыча и грассируя на букве «р» и продолжительно шипя на букве «ш», явно повторяя заученный урок, и у него неплохо получалось, но выглядело это до того уморительно, что Мира едва

удержала расползающуюся улыбку, плотно поджав губы, чтобы не обидеть парня.

– Мне три года, – продолжал докладывать мальчонка. Теперь он растопырил пальчики, помогая второй рукой удержать мизинчик и большой вместе, чтобы показать именно три нужных. Получилось. Парень довольно кивнул и добавил: – И еще полгода.

– Отлично, – оценила все его старания Мира. – Молодец. – И представилась: – А меня зовут Мира Олеговна. Но можно просто Мира.

– Миррра, – расстарался он, порычав на букве «р», и заулыбался. – Это как Мир-р-р?

– Как Мир, – подтвердила, усмехнувшись, она, весело потормошила ему коротенький чубчик, после чего сразу же причесала его пальцами назад и спросила: – А скажи-ка мне, Петя Барташов, с кем ты сюда пришел и где они сейчас? Ты потерялся?

– Нет. – Ребенок завертел головой. – Я не терялся. – И снова глянул на нее своими синими-синими глазищами и перешел на доверительный тон: – Я пришел с бабушкой Ларисой. Мы смотрели всяких кукол, как они там живут. Сказку про царевича… Он вот такой… – Он показывал что-то непонятное руками. – В красном таком, красивом, – провел он ладошками по рубашечке на груди. – И шапка такая. Еще там волк был, он на нем ездил…

– Ну, ладно, – мягко остановила его воспоминания Мира, прекрасно зная, что это может затянуться надолго. – А после царевича с волком, когда сказка закончилась, вы с бабушкой куда пошли?

– Туда, – широким жестом в непонятном направлении махнул мальчонка. – В очередь за вещами.

– В гардероб, – догадалась Мира.

– Да, – подумав, согласился он.

– Получили вещи? – все выстраивала она последовательность его действий после спектакля, направляя рассказ ребенка в нужное русло.

– Нет, – снова активно закрутил тот головой, замолчал и отчего-то испуганно посмотрел на нее.

– Почему? – как можно мягче спросила девушка, почувствовав этот его неожиданный испуг.

– Бабушка вдруг так… – Он сложил ладошки замочком и прижал к груди, словно защищаясь от грянувшей напасти. – «Ой, ой» сказала. И мы из очереди вышли на скамейку.

– Та-а-ак, – протянула Мира, уже начиная подозревать, что случилось. И максимально осторожно и доброжелательно принялась расспрашивать дальше, придав голосу самые теплые и успокаивающие интонации, на какие была способна. – Вы сели на скамейку у стенки и бабушке стало плохо?

– Да, – кивнул ребенок и заспешил рассказать, помогая себе активной жестикуляцией: – Бабушке больно было, и она вот так, – он показал как, – за бочок схватилась. К нам тетечка подошла, бабушку спрашивала, что у нее болит. Потом еще всякие тетечки пришли. А бабушка мне сказала, чтобы я вот здесь стоял возле скамеечки и ни-ку-да, – произнес он по слогам с особым нажимом, – не отходил и ничего не боялся. Я стоял, но все равно боялся. Потом бабушка заснула. И пришли другие люди в таких синих штуках, – он провел ручками по груди и ножкам, стараясь показать синюю форму медиков. – Бабушку положили в какое-то одеяло с ручками и куда-то унесли. А я стоял и ждал. Потом посидел немножко, а потом писать захотел.

– Понятно, – выдохнула Мира.

Охренеть!

Сегодня в театре случилось происшествие, наделавшее шуму и суеты, – какой-то женщине стало плохо, она потеряла сознание, вызвали «Скорую помощь», и ее увезли в больницу. Про происшествие Мира слышала, да что она, весь театр непродолжительно погудел об этом, охали, ахали, мимолетно посочувствовали и забыли. Но отчего-то никто не вспомнил о ребенке и не предположил, что

женщина была не одна, а с каким-то малышом. А ведь это совершенно очевидно.

Почему? А что, неужели старушка пришла в театр кукол одна – посмотреть утренний спектакль? Так, что ли? Ну есть несколько таких бабулек, которые приходят на определенные спектакли по льготным дням без билетов, но их все сотрудники знают в лицо и их всего-то три или четыре, да и ходят они всегда одной компанией и на вечерние или дневные спектакли.

И что, получается, никто не обратил внимания на то, что стоит у стенки маленький ребенок? Как это может быть? А их контролерши? Они же проверяют зал и холл и все помещения после спектакля и закрытия дверей?

Как так-то?

– И ты там все это время стоял? – спросила она недоверчиво у парня.

– Нет, – задрожал у него вдруг подбородочек. – Постоял немножко и сел. – И он посмотрел на нее несчастными глазами, в которых стремительно наливались слезы. – Бабушка меня, наверное, потому и не нашла, что я сел. И еще, наверное, заснул, – повинился он.

– Ну, что ты, что ты, малыш, – заторопилась успокаивать его Мира и вытерла с щечки покатившуюся из глаза слезинку. – Ты ни в чем не виноват, маленький, – и, не выдержав, подхватила его на руки.

И прижала к себе, и почувствовала нечто удивительное, ошеломляющее – такое теплое поразительное чувство невероятной нежности, счастья и полноты бытия.

Она стояла, прижимала к себе ребенка, успокаивая, тихонько гладила его по спинке, ощущала его горячее сопение на своей шее и переживала настоящее душевное потрясение.

Да что такое-то с ней сегодня происходит?

Что случилось-то, в самом деле? Что, молчавший до сих пор материнский инстинкт пробудился? Это что вообще такое, я вас спрашиваю?

Ладно, разберемся, не до этого сейчас, решила Мира.

– Ты есть хочешь, малыш? – чуть отклонившись, чтобы видеть его личико, спросила она.

– Хочу, – вздохнул он и пожаловался: – Даже урчит в животике.

– Это мы сейчас исправим, – бодро пообещала Мира ему. – Только сначала в гардероб все-таки сходим. Помнишь, какие вещи вы там оставили?

– Да, – оживился мальчуган, перестал ее обнимать и выпрямился. – Моя курточка и рюкзачок. И бабушкин плащ.

Ну, правильно – на дворе май и еще пока прохладно, да и дождливо несколько дней подряд. Курточка и плащ самое то, что надо по такой погоде.

– Вот и отлично! – похвалила его Мира. – Пойдем выручать ваши вещи.

– Пойдем выручать, – согласился парень и снова, как водится, активно кивнул и вдруг спросил: – А бабушка когда за мной придет?

– Давай так, – предложила план действий Мира, поставив его на пол, и присела на корточки перед ним. – Заберем вещи, пойдем в буфет поедим и тогда все разузнаем про твою бабушку. Договорились?

Как и следовало ожидать, он старательно кивнул, соглашаясь с ее предложением, и взял ее за руку.

– Здравствуйте, Галина Николаевна! – поздоровалась Мира с гардеробщицей и, подхватив Петю под мышки, посадила его на деревянную стойку гардероба.

Всех работников театра, вплоть до вечно меняющихся уборщиц и перманентно пьяного слесаря механического цеха Михеича, Мира знала по именам, фамилиям, а также была в курсе их жизненных перипетий. Ну, уж так вот как-то получалось.

– Значит, история у нас такая, – принялась разъяснять она гардеробщице. – Вы же знаете про женщину, которой стало плохо и ее увезла «Скорая».

– А как же! – радостно подхватила разговор на яркую злободневную тему гардеробщица и поделилась информацией: – Говорят, у нее что-то с почками случилось. Приступ.

– Угу, – продолжила Мира. – А вот этот замечательный мальчик, – указала она на Петеньку, – ее внук, которого почему-то никто не заметил.

– Да ты что-о-о! – ошеломленно всплеснула ладонями Галина Николаевна, выпучив глаза, и сразу же возмутилась, зачастив вопросами: – Да как же так? Как его могли девочки не заметить-то? Не может такого быть! Никак не может быть! И он что, даже не плакал? Не подошел ни к кому?

– А вот такой у нас смелый мальчик, – похвалила Мира ребенка и погладила по голове. – Не заплакал и не испугался. Стоял там, где велела ему бабушка, пока в туалет не захотел. Вот такой молодец.

– Да, молодец, – покивала, соглашаясь, женщина и поулыбалась малышу. – И что теперь? Надо Виктор Палычу сообщить, это ж какой непорядок. И как это его не заметили?

– Вот вы Виктор Палычу и сигнализируйте, – согласилась с инициативой Мира. – А у нас с Петенькой другие дела есть. Галин Николавна, у вас невостребованные вещи должны иметься в наличии: детский рюкзак, курточка и плащ женский.

– Есть. Есть, а как же! – засуетилась та, доставая из-под гардеробной стойки сложенные стопочкой вещи. – Только надо же получение официально оформить, чтоб претензий никаких потом не возникло. Составить акт передачи под роспись.

– Да не будем мы ничего оформлять, – отмахнулась Мира и кивком указала на ребенка: – Вон у нас один из хозяев. Петенька, посмотри: это ваши с бабушкой вещи?

– Да, – подтвердил Петенька, кивнув, и потянул к себе за лямку зеленый маленький рюкзачок. – Это мой.

– Ладно, – решила Мира. – Галина Николаевна, вы тут известите начальство, а мы в буфет. Надеюсь, девочки найдут что-нибудь, чем можно накормить нашего героя.

«Герой» уплетал за обе щеки жареный кабачок с рыбной котлеткой из личных запасов сердобольных буфетчиц, поохавших над потерянным малышом, закусывал теплым хачапури, запивал все это дело вкуснейшим смородиновым морсом и, позабыв обо всех своих напастях, в данный момент был абсолютно доволен жизнью.

Не в пример разволновавшемуся директору театра Виктору Павловичу Наумову, который таки понервничал, узнав о происшествии, и прибежал в буфет. Повздыхал печально, в задумчивости погладив ребенка по голове, задал непродуктивные вопросы из разряда: «Как же так получилось-то?», дал невнятное указание: «Ну, вы тут, Мирочка, позанимайтесь…» – покрутил рукой, видимо, придумывая, чем именно ей надлежит заняться с ребенком, и, так и не определившись окончательно с вариантами, махнул рукой и убежал в свой кабинет обзванивать станции «Скорой помощи» и больницы, чтобы выяснить, куда доставили бабушку мальчика Петеньки.

Мира же решила пойти иным путем и, потягивая такой же, как у мальчика, смородиновый морс из высокого стакана, начала выяснять:

– Петенька, а с кем ты живешь?

Петенька оторвал взгляд от зажатого в ладошке хачапури, которым рассматривал на предмет, где бы поудобней и побольше укусить, посмотрел на Миру, прожевал, проглотил то, что уже было во рту, и только тогда ответил.

– Я живу с бабушкой Лаисой, – проигнорировал он грассирующую «р». – И еще с Костатиной. – Петя положил пирог на тарелку, взял двумя ручками стакан, сделал большой глоток, вернул его на стол, вытер рот тыльной стороной ладошки и, вздохнув, продолжил: – И еще с папой, но он по выходным приезжает, – на этом слове таки довольно четко произнес «р».

Молодец. Настырный и упертый пацан, но заметно устал.

– А мама? – продолжала расспрашивать Мира.

– Мама с нами не живет. Она в другом месте. Папа возил меня к ней на самолете и на машине. Или она приезжает. Но не сейчас.

Да, совершенно точно устал мальчишка! А тут поел, перестал бояться, расслабился совсем и спать хочет – вон уже сонно моргает.

– Понятно, – поддержала его Мира и заторопилась с вопросами: – А скажи, Петенька, в твоем рюкзачке телефон есть?

– Есть, – кивнул он и, очевидно повторяя за кем-то из взрослых, произнес особым наставительным тоном: – Детям вредно пользоваться такими телефонами и играть в гажиты (это сложное слово он не мог верно выговорить). – И телевизор тоже вредно. Я смотрю мультики после дневного сна. – Подумал и честно признался: – Ну, иногда и утром.

Слушая подробные пояснения ребенка, Мира сняла со спинки стула рюкзачок, открыла его, поискала внутри и достала телефон – не айфон, без наворотов, но с большими удобными кнопками клавиатуры, специально для стариков и детей.

– Папа говорит, что это на всякий случай, – увидев телефон в ее руке, продолжил пояснять Петенька. – Если я потеряюсь, – и махнул ручкой. – Или еще чего.

– Будем считать, что «потеряюсь», «или еще чего» как раз и наступило, – улыбнулась ему Мира и распорядилась: – Доедай, а то остынет.

Телефон был полностью заряжен, кто-то явно за этим следил, как наверняка и за тем, чтобы на его счету лежало достаточно средств. Пароля не было. В списке контактов высветилось всего четыре абонента: папа, бабушка Лариса, Ия Константиновна и мама. Именно в таком порядке. Папа вызывался цифрой «1».

Из чего, путем несложных логических размышлений, вытекал вывод о главенстве в этой семье абонента под номером «один».

– Как зовут твоего папу? – спросила Мира, нажимая эту самую единичку.

– Андрей, – четко отрапортовал Петенька, отодвигая от себя почти пустую тарелку.

– А как его отчество? – слушая тишину в трубке, выясняла она. Отчего-то гудка вызова долго не было.

– Я не знаю, – пожал плечами ребенок.

И тут пошел первый гудок. На втором трубку сняли, и, видимо, папа Андрей с неопределенным пока отчеством взволнованно, но явно стараясь сдерживаться, чтобы не напугать малыша, все же почти прокричал:

– Петюша, ты где, малыш?

– С Петенькой все в порядке! – поспешила Мира успокоить взволнованного отца. – Он жив, здоров и в безопасности.

– Вы кто? – потребовал тот немедленного ответа, и его голос мгновенно стал напряженным и холодным.

– Андрей… извините, как вас по отчеству?

– Алексеевич, – с досадой и нетерпением представился тот. – Где Петя? Что с ним?

– Значит, Андрей Алексеевич, у нас тут такая ситуация, – спокойно приступила к объяснениям Мира: – Петиной бабушке стало плохо прямо у нас в театре после представления. Вас, скорее всего, об этом уже известили.

– Да. Мне звонили из больницы и сообщили, что мама в тяжелом состоянии и ее срочно готовят к операции, но не сказали, где Петька. О ребенке, как выяснилось, вообще никто ничего не знает! – раздраженным, нетерпеливым тоном объяснил взволнованный отец.

– Ваш Петенька очень послушный мальчик, – мягко говорила Мира. – Бабушка велела ему стоять возле скамейки, на которой лежала, когда ей стало плохо в холле нашего театра, никуда не убегать и не бояться. Вот он и стоял, а потом устал стоять и сел и, видимо, заснул и прислонился к бортику скамейки, поэтому его долго никто не замечал. Сейчас он находится все еще в здании театра. Мы его успокоили, в туалет сводили, накормили, и он в полном порядке. Только слегка напуган и очень устал.

– Дайте ему трубку, – потребовал Андрей Алексеевич.

Мира протянула трубку ребенку.

– Папа хочет с тобой поговорить.

Мальчонка свел бровки, приняв очень деловой вид, и приложил трубку к уху:

– Привет, это я! – порадовал он родителя и спросил: – Ты где? Ты за мной едешь?

Послушал, что ему говорит отец, и ответил, привычно кивнув:

– Да, хорошо. – Послушал еще и попрощался: – Пока. – И протянул телефон Мире: – Папа сказал вам отдать.

– Слушаю вас, Андрей Алексеевич.

– Как вас зовут? – совсем иным, потускневшим тоном спросил он.

– Мира Олеговна, – представилась девушка.

Встала из-за стола и отошла в сторону, чтобы Петенька, с удовольствием допивавший морс, не слышал их разговора. На всякий случай. Мало ли что можно ждать от его отца? Вдруг ругаться примется или хамить обвинительно.

Но он не сделал ни того, ни другого, а искренне, по-человечески, совсем как-то умученно, почти пожаловался:

– Мира Олеговна, у меня сегодня все по закону упавшего бутерброда: непростая ситуация на работе, а тут с мамой беда случилась, и Петька потерялся, к тому же выяснилось, что наша помощница по хозяйству свалилась с каким-то диким гриппом с температурой под сорок. А я в данный момент нахожусь в двухстах километрах от Москвы. Сейчас я обзвоню друзей и родственников, и кто-нибудь непременно подъедет и заберет Петьку, но до этого вы могли бы еще побыть с мальчиком?

– Давайте так, – убрав все обволакивающие, успокаивающие модуляции голоса, сказала Мира, мгновенно приняв решение. – Вы же понимаете, что ребенок испугался и сильно устал. Ему необходимо поспать, успокоиться и почувствовать себя в полной безопасности. Вы собираетесь сегодня приехать в Москву?

– Конечно, – отозвался мужчина, слегка удивившись вопросу.

А что удивляться? Люди разные бывают, и сыновья тоже разные, а уж отцы и подавно. Кому и мама в больнице, и пропавший сын – не стресс, а ерунда, не стоящая беспокойства.

– Тогда не надо никого обзванивать, – озвучила она свое предложение. – Мы с Петенькой сейчас пойдем ко мне домой, это совсем недалеко от театра. Он поспит, я его накормлю после сна, потом займу какими-нибудь играми, а вы вечером приедете и заберете сына.

Он молчал. Не ответил сразу. Размышлял о чем-то.

– Давайте я подумаю и перезвоню вам минут через десять-пятнадцать, – не предложил, а скорее распорядился Андрей Алексеевич и уточнил с нажимом: – На ваш телефон.

– Давайте, – улыбнувшись про себя, согласилась Мира и продиктовала номер своего смартфона.

«Ну, правильно», – подумала она, взглянув на Петю, который был занят тем, что рассматривал остатки морса в стакане, и отошла к окну.

А почему он должен сразу же соглашаться с ее предложением помощи? Мало ли что там за тетка разговаривает с ним по телефону сына? Может, мошенница какая, или шантажистка, или еще чего пуще? И вообще все, что он знает о своем ребенке, это только с ее слов.

Если бы она была на месте этого папаши, то сейчас звонила бы в дирекцию театра и выясняла, все ли обстоит именно так, как рассказала ему неведомая барышня, и существует ли эта барышня в реальности, и на самом ли деле она в данную минуту сидит с его ребенком в театральном буфете?

Тут зазвонил ее смартфон. Быстро он, подивилась Мира, увидев неизвестный номер на экране, и десяти минут не прошло.

– Мира Олеговна, – раздался голос отца Петеньки. – Без обид, но я дозвонился до вашего директора, и он мне подтвердил все, что вы рассказали, – слышно было, как он хмыкнул, – и дал вам весьма лестную характеристику, я бы сказал, даже восторженную.

– Не обращайте внимания, – улыбнулась Мира. – Виктора Павловича нашего частенько заносит.

– Мира Олеговна, я с благодарностью приму ваше предложение. Только когда именно приеду, не могу сказать определенно. Скорее всего поздно, – подумал и уточнил: – Совсем поздно.

– Ничего, – уверила его Мира и, сообщив свой адрес, принялась выяснять, что ест ребенок, есть ли у него запрещенные продукты, и распорядок его дня.

Вроде все обсудили и обо всем договорились.

А когда распрощались, Мира обнаружила, что Петенька совсем засыпает прямо за столом.

– Э-э нет, – попыталась разбудить она его, присев перед малышом на корточки. – Подожди, дружочек, не спи. Нам надо дойти до дома.

Но Петька уже не реагировал на ее тормошения – глазки еще как-то пытался открыть, но бесполезно.

– Все, спит парень, – раздалось у нее за спиной.

Николай. Вот только его не хватало! Вот же…!

Не поднимаясь с колен, Мира с досадой опустила голову вниз. Вот ведь… она же специально сбежала через холл к центральном дверям, чтобы не сталкиваться с ним на служебном выходе. И не дошла, остановленная мальчиком Петей Барташовым, сильно хотевшим писать.

Ох, Коля, Коля… Ты же вроде уехал домой, что ж тебя принесло-то?

А он, словно прочитав ее мысли, радостно так объяснил, подав ей руку и галантно помогая подняться:

– Я уже два квартала проехал, когда позвонила Валькина и рассказала, что ты мальчика нашла и теперь с ним возишься. Вот вернулся.

Ну, разумеется, Валькина, кто ж еще! Наипервейшая и самая ярая сплетница театра, с упоением собирающая любую информацию обо всех коллегах, смакуя ее, домысливая, раздувая и преувеличивая до размера великого скандала.

Ну как она могла не позвонить Николаю! Ведь всем известно, что Ростошин тайно и совершенно безнадежно сохнет по Андреевой, а та его любовь игнорирует, и это такая вечно горячая, свеженькая тема для всяких домыслов и сплетен… А тут целая история стряслась! Андреева нашла мальчика!

– Я тебе помогу с парнем, – заглянул ей Коля в глаза.

О-хо-хо, эти его взгляды!

– Ну, помоги, – согласилась Мира. – Раз уж ты вернулся, довези нас ко мне домой.

– Почему к тебе? – подняв ребенка на руки, удивленно посмотрел он на нее.

– Коль, – стараясь так уж явно не демонстрировать свое раздражение, оборвала его Мира, – давай без лишних вопросов.

Без лишних вопросов он все же согласился. Довез на машине Миру с Петькой прямо к подъезду ее дома, перенес спящего мальчонку в квартиру и помог раздеть, а потом облачить в майку Миры.

И даже остался ненадолго с малышом, пока девушка на его машине ездила на рынок за продуктами.

А потом она его выставила.

Не жестко, но без вариантов к обсуждению – все, бывай, и хлоп дверь перед носом.

Она не знала и не понимала пока, что делать с его большой и безнадежной любовью и куда деваться от этого его полного надежды, по-собачьи преданного взгляда.

Николай Ростошин пришел служить артистом-кукольником в их театр два месяца назад и сразу же придумал себе влюбиться в артистку Миру Андрееву. А влюбившись, тут же ей признался в силе своих чувств и предложил все, что только возможно, – от руки и сердца до жилплощади и любви до гроба.

А она отказалась.

Теперь вот он смотрит. И вздыхает, и терпит ее раздражительность в свой адрес, и готов всегда во всем помочь, подставить плечо, исполнять капризы, предугадывать желания, делать сюрпризы и подарки. И главное – ждать ее ответного чувства! Так и сказал во время очередного выяснения отношений: «Я буду ждать твоего ответного чувства столько, сколько понадобится».

Да какого там чувства! Ей ничего не надо.

Ну, вот не надо, что с этим поделаешь! Не надо, и всё. От него не надо.

И она бегает от Ростошина, от этой его любви и от этого его взгляда преданного щенка, которого почему-то выбросили на улицу, а он все никак не может поверить, что выбросили – не может же так быть на самом деле, чтобы хозяин, такой замечательный, вдруг перестал быть его человеком! Не может. И он сидит на пороге у закрытой перед ним навсегда двери, переминается от нетерпения толстыми щенячьими лапами и каждый раз заглядывает вопросительно и преданно в глаза человеку, когда тот выходит из дома.

А человек безжалостно отшвыривает его ногой с дороги.

И Мира порой чувствовала себя этим самым гнусным человечишкой, так обидевшим преданного щенка, и маялась ощущением вины, но дать Коле ничего не могла.

Ничего. И это такая засада.

Последний месяц Мира, уставшая от гнетущего чувства маеты душевной, от невозможности ничем ответить влюбленному мужчине, вела тайные переговоры с двумя другими кукольными театрами, собираясь уходить, вернее, сбегать от Коли с его взглядами и его удушающей любовью.

Она зашла в спальню, встала у кровати и долго смотрела на спящего Петьку. Он спал на спине, раскинув в стороны руки и мило, по-младенчески, сопел.

Мальчик. Этот удивительный мальчик.

Что же такое с ней случилось?

Мира прислушалась к своим ощущениям – никуда ничего не делось, – вот как пробило ее там, в театральном туалете, так и осталось, и все теплилась в ней поразительная нежность к этому ребенку. Она развернулась и тихо вышла из комнаты.

Случаются такие моменты в жизни, когда неприятности наваливаются на человека.

Утром Андрей вернулся из командировки, сразу же поехал на завод и, что называется, «с корабля на бал» – рабочие нахреначили в электрике изготовляемого агрегата! По дурости, по разгильдяйству и недосмотру!

Вот… нецензурные всем им, на хрен, пожелания в извращенной форме!

Барташов, редко когда позволявший себе проявлять недовольство работой подчиненных криком и в грубой форме, на этот раз проорался от души. Матом не стал поносить, сдержался-таки, но нелестных характеристик раздал щедро, заодно пообещав соответствующее воздаяние по делам каждому.

Слово свое он всегда держал, об этом знали все в большом коллективе, поэтому пробрало идиотов нерадивых до потрохов.

Досталось от него и начальникам цехов, и инженерной группе, после чего все с большим энтузиазмом ринулись исправлять ошибки и срочным порядком спасать изделие.

Ну, и ему, разумеется, отвесило начальство отдельных люлей, напомнив про сроки, госзаказ и контроль на самом высшем уровне.

И все завертелось – только вроде разгребли с инженерной группой: выявили масштаб повреждений, выработали план исправлений и приступили к экстренной ликвидации, просчитали, что и как теперь по срокам получается, и тут позвонила мама.

Верней, не так: на дисплее телефона высветился мамин номер, но вместо мамы он услышал мужской голос:

– Здравствуйте, меня зовут Антон Викторович Сорокин, я дежурный хирург приемного отделения Первой градской больницы. К нам поступила пациентка Лариса Максимовна Барташова. Вы в ее телефоне обозначены как сын. Это так?

– Да, я ее сын, – подтвердил Андрей. – Что с ней?

– Предварительный диагноз: острая почечная колика, вероятней всего, начался процесс выхода почечного камня. От болевого шока она потеряла сознание, и

«Скорая» доставила ее к нам из театра кукол. Сейчас ее готовят к операции, но необходимо, чтобы подъехал кто-то из ближайших родственников. Нужно ответить на ряд вопросов и привезти ее документы. Как вас зовут?

– Андрей Алексеевич.

– Андрей Алексеевич, вы сможете приехать?

– Только вечером. Я нахожусь не в Москве, – сообщил Барташов, быстро прикидывая в уме, как распределить дела, кому что перепоручить, чтобы вырваться.

– Тогда вечером, – сказал врач. – Но Ларисе Максимовне требуется срочная операция, а поскольку она без сознания, надо бы ваше разрешение.

– Делайте, раз требуется, – разрешил Барташов и спросил, внутренне замирая: – Как ее состояние? Как она вообще?

– Состояние тяжелое, – честно признался доктор. – Но не критическое. Надо смотреть, что покажет операция. Приезжайте.

– Обязательно.

Доктор по-деловому четко перечислил, какие необходимо привезти документы и вещи для больной, продиктовал адрес, объяснил, как удобней подъехать. Андрей торопливо записывал за ним в ежедневник, и вдруг его как шибануло током:

– Подождите, а Петя где?

– Какой Петя? – недоуменно переспросил доктор.

– Вы сказали, что ее привезли из театра? – уточнил Андрей.

– Да, из театра кукол.

– Но она там была с внуком, с моим сыном Петей, – и уточнил зачем-то: – С маленьким мальчиком трех лет. Если ее привезли, то где ребенок?

– Не знаю, – растерялся медик. – Никакого мальчика не было. Больную доставили одну, без сопровождения.

– Как так? Тогда где ребенок?

От испуга у Барташова в груди ёкнуло сердце.

– Не знаю, Андрей Алексеевич, – искренне посочувствовал ему врач и быстро предложил: – Давайте я вам дам телефоны того отделения «Скорой помощи», откуда выезжала бригада. И телефон самого врача «Скорой». Наверняка они знают, что с мальчиком.

– Да, давайте.

Но в «Скорой» не знали. То есть никто ничего не знал про мальчика вообще и никакого ребенка не видел!

Охренеть! И где Петька? Что с ним?

Барташову пришлось так внутренне рыкнуть на себя, чтобы загнать подальше всякую панику, что стало больно сжатым с силой челюстям. На скулах заиграли желваки.

Спокойно! Спокойно, он его найдет! Не может маленький ребенок просто так пропасть куда-то!

Андрей рявкнул секретаршу, забыв воспользоваться селектором, но настолько громко-требовательно, что она и через дверь услышала и прибежала.

– Дина, найди мне какие только можно телефоны театра кукол, который рядом с моим домом в Москве! Понятия не имею, как он называется и на какой улице расположен, но найди немедленно!

– Что случилось, Андрей Алексеевич? – напряженно, но достаточно ровным тоном спросила секретарь.

Вообще-то Дине Наумовне, его верному секретарю, было лет сорок пять, и он практически никогда не позволял себе фамильярности в ее адрес, глубоко уважая и ценя ее за профессионализм и преданность. Но бывали разные ситуации. Иногда очень хреновые. Иногда совсем хреновые.

Очень редко, но бывало, он срывался, как мальчишка, и мог показать это только ей. И только ей позволял это видеть.

– У мамы острый почечный приступ, она в больнице, и ее собираются оперировать. А Петька пропал.

– Из театра? – уточнила она деловым тоном, мгновенно оценив ситуацию.

– Да, Дина Наумовна, – уже взял себя в руки Барташов и чуть улыбнулся ей, как бы извиняясь за ненамеренную резкость и грубость. – Давайте параллельно искать и звонить.

– А вы позвонили вашей домработнице?

– Кх… – крякнул он от досады на себя. – Точно, Дина Наумовна! Это я туплю с перепугу. Может, он с ней и я рано тут панику развел.

Но оказалось, Ия Константиновна лежит больная дома с высоченной температурой, и Барташов вновь ощутил холодок страха. Расстраивать и без того больную женщину он не стал, сказал, что просто до мамы не мог дозвониться, и на всякий случай решил набрать ее. Отмазался как-то.

А в театр, чтоб его, никак невозможно было дозвониться! Тут уж он позволил себе от души выматериться – не удержался.

Нет, ну на самом деле, какого, как говорится, хрена! Директорский телефон постоянно занят, словно там специально трубку сняли, никакие иные телефоны вообще не отвечают, а на кассовом номере автоответчик предлагает приятным женским голосом забронировать билеты на любой спектакль.

Да твою ж дивизию!

И тут запиликал его айфон, на экране которого высветился номер Петькиного телефона.

– Дина! – вскочив с кресла, призывно крикнул Андрей, успев заметить через распахнутую дверь в приемную, как та сорвалась с места. И сразу же ответил, стараясь контролировать голос, чтобы не испугать сына:

– Петюша, ты где, малыш?

И поднял вверх указательный палец, призывая влетевшую в кабинет Дину Наумовну к тишине и особому вниманию.

Но вместо Петеньки ему ответила какая-то женщина удивительным, совершенно необыкновенным, успокаивающим, словно обволакивающим голосом – глубоким, низким, эротичным и в то же время каким-то материнским, теплым. Таким, что он сразу успокоился, особенно когда услышал голос сына по телефону.

Успокоился, но все же не до такой степени, чтобы не перепроверить слова этой дамочки со странным и каким-то экзотическим именем Мира, так подходящим к ее необыкновенному, волнующему голосу.

– Набираю директора! – без слов поняла его верная секретарша, уже нажимая повтор на своем служебном смартфоне.

И почему-то именно она дозвонилась тому слишком занятому и недоступному директору. Директор успокоил Барташова, посочувствовал ему и рассказал, что произошло, и даже где-то повинился. А напоследок превознес Миру до небес, дав подчиненной самые хвалебные характеристики.

Так. Ладно. Андрей позволил себе ненадолго расслабиться и перевести дух.

С Петькой вопрос временно решен, сын, судя, по всему, в полной безопасности, под присмотром и в надежных руках. Но надо срочно ехать в Москву.

– Что там в цеху? – крикнул Андрей в распахнутую дверь кабинета.

Сегодня у них прямо как на фронте, усмехнулся он про себя.

– Горлов звонил, сказал, что снова стопорнулись! – с большим сочувствием прокричала Дина Наумовна в ответ.

Ну, вот и «поехал» он в столицу называется – ругнулся Барташов про себя.

В Москву они с водителем на служебной машине выехали только после четырех дня. Трассу пролетели без проблем и «пособирали» все вечерние пробки в центре столицы.

Сначала заехали домой, где Андрей взял все перечисленные медиком документы, потом кое-как наскоро собрал вещи, сверяясь со списком, сунув в пакет мамино нижнее белье, полотенце, умывальные принадлежности и даже какие-то кремы. Банного халата не было, поскольку дома халатов мама принципиально не носила, и Андрей поставил себе в смартфоне голосовую отметку, что надо бы не забыть купить этот предмет гардероба для больницы.

Ну, вроде все, если что и забыл, то потом разберется.

Маму прооперировали, перевезли в реанимационный блок, и она уже пришла в себя после наркоза, но пока плохо понимала, где находится, но Андрея к ней категорически не пустили. Уставший доктор, который проводил операцию, подробно объяснил Барташову, что произошло с Ларисой Максимовной, и как прошла сама операция, и что конкретно они сделали, дал неплохой прогноз.

– Как же так, доктор? – задал Андрей не дававший ему все это время покоя вопрос. – Она же очень здоровая женщина. Стройная, зарядку по утрам делает, гуляет много, питается правильно уже много лет: ни жареного, ни маринованного, ни соленого, алкоголь вообще не пьет. И вдруг такое с почками?

– У нее всю жизнь была врожденная патология и деформация почки, о которой она не знала и не подозревала. А с годами из-за этой патологии росло и воспаление, и скопление камней, – и философски напомнил: – Никто ни от чего не застрахован в жизни. И у очень здоровых людей случаются страшные болезни.

После больницы Барташов поехал… к Ие Константиновне. Позвонил, расспросил строго, вызывала ли она врача и что тот назначил. Потом заехал в аптеку и в магазин.

В квартиру она его не пустила, говорила из-за дверей:

– Андрей Алексеевич, спасибо вам огромное за заботу! Что бы я без вас делала! – чуть не плакала женщина. – Только я дверь открывать не буду, у меня вирус, не дай бог вы заразитесь, а потом и Петенька. Вы оставьте пакеты у дверей и идите, а я заберу.

«Так, – сказал себе Андрей, плюхнувшись на заднее сиденье машины, – вот теперь точно пора за Петькой». И он назвал водителю адрес.

– А не поздно, Андрей Алексеевич? – посмотрел тот с сомнением на него в зеркало заднего вида.

– А сколько у нас времени? – спросил Барташов с озабоченным видом.

– Так начало двенадцатого.

– М-м-да, – протянул он задумчиво, – припозднились мы как-то. – И распорядился: – Поехали. Петюшу все равно надо забирать.

Он откинул голову на подголовник спинки, прикрыл глаза и потер ладонью лицо. Устал. Как-то незаметно сильно устал и вымотался сегодня, держался, держался, пока дела делал и решения принимал, а тут вдруг отпустил себя. Надо потерпеть еще немного, мобилизовать силы и потерпеть. Немного осталось.

Барташов смотрел за стекло рассеянным взглядом и думал: что это может быть за женщина, которая обладает таким голосом? Да еще с таким именем.

Молодая, это точно, но роскошная, без сомнения.

Такая… статная, фигуристая – талия, бедра и наверняка с классным бюстом. Ну, а как еще при таком-то бархатном грудном тембре?

Разумеется, хороший бюст присутствует. Упругая троечка, не меньше.

Красивая обязательно, ну, пусть даже не красивая, но интересная, уникальная и цену себе знает, наверняка. И умная. Вон как она, практически сразу, с первых же произнесенных слов, его успокоила этим своим колдовским голосом, как убаюкала, словно уверила, что все в полном порядке и все уже уладилось.

Так Барташов, мысленно посмеиваясь над самим собой, нарисовал в воображении некий образ этой загадочной девушки, и эти фантазии даже умудрились как-то пробиться через тупую усталость, вызывая мужской интерес.

А почему нет? Он в данный момент свободен, и женщины у него давно не было. Когда они там с Катей расстались? Он посчитал – месяц уже!

Ну, ничего себе! А он как-то упустил тот момент, что целый месяц.

Барташов немного хорохорился и слегка нервничал, когда позвонил в дверь незнакомки с фантастическим именем Мира… а когда она открыла, как-то сразу расстроился, словно обманулся в своих ожиданиях.

А он и обманулся.

И от чувства досады на самого себя за все эти глупые фантазии, которые зачем-то насочинял, от разочарования, он стоял и рассматривал ее самым неприкрытым образом.

Не красивая. Ни разу!

Никакой изысканности и уж тем более роскоши и шика, которые он так ждал…

А тут! Пигалица какая-то! Невысокая, наверное, и до метра шестидесяти недотягивает, худая, мальчишеская фигура. Какой там бюст! Нет, грудь у нее все же присутствует, но небольшая, правда, угадывалась ее прекрасная форма. Но размер явно подвел.

Вообще-то не уродина, бесспорно очаровательная, типаж вечной девочки, жизненное амплуа – эдакий очаровательный, в чем-то беспомощный, трогательный ребенок.

Абсолютно не его типаж. Вот совершенно. Ни разу! Девушки, усиленно косящие под незрелых малолеток, мелкие и субтильные до истощения, никогда не интересовали Бартошова.

А у этой личико сердечком в обрамлении русых, кучерявых локонов стильной стрижки до плеч с такими прядками разной длины. Острый подбородочек, по-детски припухлые губки, маленький носик и большие, выразительные, темно-синие глаза, внешними уголками опущенные вниз, как у трагических актрис немого кино прошлого столетия.

Вообще зашибись! Детский сад какой-то. Впрочем… Ого!

Барташов чуть не покраснел, столкнувшись с ее прямым ироничным взглядом, никак не монтирующимся со всем этим ее беззащитно-детским, трогательным обликом, и только тогда осознал, что уже достаточно долго и беззастенчиво ее рассматривает, а девушка сразу же поняла все его мысли и это его почти неприкрытое разочарование ее внешностью.

Вот все поняла и едва заметно улыбалась.

А ведь ее глаза похожи на Петькины, вдруг удивился Андрей!

Ну, точно. Надо же!

И эта схожесть ее глаз с глазами его сына примирила его и с ней, и с глупейшей ситуацией, в которую он сам себя невольно загнал, и со всеми его несбывшимися ожиданиями.

– Проходите, Андрей Алексеевич, – пригласила девушка, давая ему дорогу, и предупредила: – Петенька уже спит. Но, думаю, вы об этом догадались.

– Вы как-то совсем иначе звучали по телефону, – будто даже упрекнул он ее, проходя в прихожую.

– Это моя работа, – улыбнулась девушка, закрывая за ним дверь.

– Вы психолог МЧС или успокаиваете буйных больных в неврологической клинике? – не очень удачно, от досады на самого себя, пошутил Барташов.

– Нет, – продолжала улыбаться девушка. – Я актриса театра кукол. А голос – это мой инструмент. – И пригласила еще раз: – Проходите. Вы, наверное, хотите проверить, как там Петя?

– А как Петя? – посмотрел он на нее.

– Конечно, сильно испугался, когда с бабушкой случилась беда и ее увезли, а он остался один. Но вроде мне удалось его отвлечь и успокоить, по крайней мере после того, как поспал днем, он не выглядел испуганным и вел себя, как обычные дети.

Она возилась на кухне, когда услышала, как Петенька, проснувшись, позвал бабушку, и побежала в спальню, чтобы малыш не успел испугаться, спросонок не сообразив, где находится.

– Привет! – радостно улыбалась она ему.

Он сидел на кровати такой замечательно розовый ото сна, в самой маленькой футболке, что она смогла отыскать в своем гардеробе, разумеется, оказавшейся для него большой и длинной, она даже спустилась с плечика аж до локтя.

– А где бабушка? – озабоченно спросил ребенок.

– Бабушка в больнице, ты же помнишь? – сев на кровать, пересадила его к себе на колени Мира и погладила по голове. – Сейчас врачи бабушке помогают, и скоро она снова будет с тобой. А пока мы тебя переоденем и пойдем съедим что-нибудь вкусненькое с теплым компотом. Хочешь?

– Хочу, – отчего-то тяжело вздохнул Петька и традиционно сильно кивнул в подтверждение своих слов.

На вкусненькое к компоту пошла морковная зраза с грибами, которую он уплел с большим аппетитом, так она ему понравилась, и компот весь выпил. А потом Петька вытер тыльной стороной ладошки рот и потребовал разрешенный ему час мультиков после дневного сна.

Получил, как и положено.

Пока он спал, Мира продумала, чем занять и заинтересовать ребенка, поэтому после просмотра мультиков в соответствии с ее планом они отправились гулять в небольшой сквер недалеко от дома, в котором имелась неплохая детская площадка.

Вот где ребенок выплеснул всю накопившуюся и не растраченную за день энергию, да с таким энтузиазмом, что Мира и не ожидала.

Мгновенно перезнакомившись с другими детками на площадке, Петя и еще трое мальчишек сразу же скорешились и принялись мотаться по всей площадке с радостными криками, догоняя друг друга, лазая по всем горкам и лестницам, соревнуясь и играя в какие-то только им ведомые игры.

Словом, физической нагрузки парень добрал с лихвой.

Вернувшись домой, они перекусили, условно «вместе» вымыли и убрали посуду, и Мира стала учить Петьку делать самые простенькие оригами из цветной бумаги, а из тех фигурок, которые у них получились, они разыграли целый спектакль с принцем, принцессой, со злодеями и даже каким-то «спецназом», который придумал Петюша.

После «театральных» страстей Мира затеяла готовить «правильные» пирожки с разной начинкой: картошкой и грибами и с капустой в бездрожжевом тесте из настоящей свежемолотой муки, которую покупала у одних продвинутых в здоровом питании парней на рынке. Петька вертелся рядом, задавал кучу вопросов под руку, «помогал» перемешивать начинку, «снимая» пробу. Потребовал участия в лепке и, стоя на перевернутом пластмассовом ведре у стола, укутанный в цветастый передник до подбородка, увлеченно собирал доверенные ему пирожки, старательно защипывая края, высунув от усердия язычок.

И потом все прибегал на кухню, садился на корточки и заглядывал в окошко духового шкафа, пока пирожки пеклись.

И ел их за ужином и все повторял с серьезным видом, явно копируя кого-то из своих родных:

– Какая вкуснота!

Он говорил без умолку, задавал кучу вопросов, рассказывал про бабушку, папу и загадочную Костатину, всего пару раз упомянув вскользь маму. Облазил всю квартиру, проверил, потрогал и попробовал на прочность все заинтересовавшие его предметы и вещи. И к вечеру так умаялся, что, стоило Мире только начать рассказывать ему сказку, которую она придумывала на ходу, практически сразу заснул у нее на руках.

Переодев парня все в ту же футболку, в которой он спал днем, она уложила малыша с одной стороны на своей большущей кровати, устроив на краю что-то вроде баррикады из подушек, на всякий случай, чтобы не свалился во сне.

И отправилась в кухню попить чаю и отдохнуть.

Вообще-то умотал! Честно. Укатал просто. А если учесть, что у нее сегодня и утро было не сказать чтобы спокойное, и спектакль она отыграла, да еще по лбу засадила себе в очередной раз башмаком куклы.

Они с этой куклой друг другу сразу не понравились, не сошлись характерами. Так бывает. Куклы они же как люди: у каждой свой характер, свой темперамент, хоть верьте, хоть не верьте.

М-м-да, что-то с этим надо делать, определенно она уж в третий раз от нее получает: то башмаком, то головой кукольной ударяется. Кстати, тоже один из поводов поменять театр.

Завалиться бы спать рядом с Петькой, помечтала Мира и вздохнула: нет, придется дождаться его папеньку.

Обещались приехать.

Мира усмехнулась. Наверняка этот папенька нафантазировал себе прекрасную паву, услышав ее грудной, низкий, обволакивающий голос по телефону. Сто пудов!

Это всегда срабатывает. Всегда. А потому, что люди живут в плену собственных жестких и довольно примитивных стереотипов и предсказуемо реагируют на обстоятельства.

Речевой аппарат Миры был совершенно уникальным, и каких только чудес не могла вытворять она своим голосом, с удовольствием пользуясь этим в рабочих и в личных целях.

И еще ни разу не было так, чтобы мужчины любого возраста, от пубертатных прыщавых, задиристых подростков до глубоких дедулек, не купились бы на эти бархатные тона сексуальной дивы, предаваясь своим мужским фантазиям, когда она разговаривала таким вот эротичным тембром.

Интересно будет посмотреть, как отреагирует этот правильный отец на ее внешность, так не совпадающую с ее голосом.

Она хмыкнула, представив себе приблизительно эту картину, и решила усилить эффект, для чего прошла в ванную и смыла с лица пусть и легкий, но все же макияж. Пусть будет натюрель.

Натюрель, похоже, папеньке Петруши не понравился. Определенно.

Выражение лица у него сделалось настолько разочарованным, когда он пристально с ног до головы рассматривал ее, что в какой-то момент Мире подумалось, что он не удержится и отчитает ее за грубый обман. Но папенька сдержался.

А Мире пришлось поджать губки, чтобы открыто не рассмеяться над его негодованием, и она рассматривала его столь же долго, пристально и внимательно, как и он ее.

Чуть выше среднего роста, спортивная, подтянутая фигура и достаточно обыкновенное лицо. Нет, интересный мужчина, и даже привлекательный, без

сомнения, но ничего выдающегося – серые глаза, правильные черты лица, подбородок, правда, такой… волевой, и сжатые губы выдают в нем человека с сильным характером. Вообще-то непростой характер в этом мужчине чувствовался сразу, с первого взгляда, от него исходила некая особая энергия.

«Да и бог с ним, – решила Мира, – что его разглядывать: мужчина и мужчина, с характером там, без характера, мое-то какое дело».

Он шагнул в прихожую, от неловкости и раздражения не очень удачно пошутил, и в этот момент Мира увидела и поняла, что он совершенно замучен. Вымотавшийся, уставший мужик, который держится на ногах только силой воли, зная, что его заботы на сегодняшний день еще не закончились и надо как-то продержаться до их полного завершения.

Барташова к спящему сыну Мира не повела, а посмотрев, как он, зажмурив глаза, с силой потер рукой лицо, строго спросила:

– Вы ужинали, Андрей Алексеевич?

– А? Что? Эм-м-м, нет, не ужинал. И по-моему, и не обедал.

– Давайте я вас накормлю.

– Нет, – отказался он задумчиво, доставая смартфон из кармана пиджака и глядя на экран. – Поздно уже совсем, а нам еще ехать.

– Да и наплевать, что поздно, – отмахнулась Мира. – Вы совершенно замученный, да еще и голодный. Без ужина я вас не отпущу. Идемте, я покажу, где помыть руки.

И Барташов сдался. Сразу и без намека на сопротивление.

Он ел и чувствовал, как по телу разливается приятное живительное тепло, как человек, долго пробиравшийся к жилью через дикий мороз и сугробы и наконец попавший в теплый дом.

Это было так невероятно вкусно, что Барташов, позабыв о всяких манерах, уплетал какой-то вкуснейший капустный суп, наверное щи, но особенные, закусывал необыкновенными, изумительными пирожками, мычал от удовольствия и боролся с желанием склониться и жадно, торопливо доесть все поскорей, прикрыв тарелку рукой, а потом попросить добавки.

Просить не пришлось. Даже намекать. Девушка с удивительным странным именем Мира молча взяла опустевшую тарелку, налила в нее еще порцию щей из большой кастрюли и поставила перед ним на стол.

Он благодарно кивнул и уже более спокойно, смакуя каждую ложку, покручивая от удовольствия головой, приступил ко второй порции.

Мира сидела напротив за столом, смотрела, как он ест, потягивала для проформы компот, чтобы не смущать гостя таким уж пристальным вниманием, и так от души, чисто по-бабски жалела мужика.

Она вспомнила, как он сказал ей по телефону, что у него сегодня день перевернутого бутерброда: на работе какой-то аврал, и беда с мамой приключилась, и Петька потерялся, а сам он находится где-то далеко от Москвы.

– Андрей Алексеевич, – вдруг нарушила затянувшееся молчание девушка. – Зачем вам куда-то ехать? Вы выглядите так, будто очень устали, а завтра наверняка вам утром надо в больницу к маме ехать. Да и Петьку сейчас тревожить не хочется, переодевать и куда-то там тащить среди ночи.

Он перестал есть, поднял голову, оторвав взгляд от тарелки, и посмотрел на нее.

– Есть замечательный диван в гостиной, – сообщила Мира. – На самом деле очень уютный и удобный. На нем просто чудесно высыпаешься. Запасная зубная щетка найдется, и даже бритвенные принадлежности и свежий мужской халат. У меня частенько брат остается ночевать, а то и живет по нескольку дней, так что найдем во что вам переодеться, чтобы было уютно и комфортно.

Он не сразу ответил. Смотрел на нее задумчиво, что-то решая и прикидывая в голове, а решив, сказал:

– Не надо халат и принадлежности, – и неожиданно улыбнулся. – Меня водитель в машине ждет.

– Ну-у, – протянула Мира, задумавшись. – Пристроим и водителя. У меня есть надувной матрац. Хорошая вещь на экстренный случай. На нем тоже вполне удобно спать.

Барташов быстро доел остатки щей, с чувством некой досады, что они все же закончились, отодвинул от себя тарелку и откинулся на спинку стула.

– Спасибо вам, Мира. Было невероятно вкусно. Вы меня просто спасли. Оказалось, что я ужасно голоден. Закрутился и забыл про еду. – И вдруг спросил: – А что я ел? В том смысле, – он покрутил пальцем над тарелкой, – это что было?

– Это рыбные щи. Такой вот позабытый славянский рецепт. А пирожки мы лепили вместе с Петрушей. Вам одно из его произведений досталось.

– Офигительно вкусно, – искренне похвалил мужчина и поблагодарил еще раз: – Спасибо. Огромное. За все.

– Спать останетесь? – настойчиво спросила Мира.

– Останусь, – кивнул Барташов. – Поел и чувствую, что эвакуацию Петьки домой могу не осилить. Вообще шевелиться сил нет. – И пожаловался: – Расслабился я как-то тут у вас окончательно.

– Тогда надо позвать водителя, и мы быстро все устроим.

– Водителя позвать надо, – согласился Андрей Алексеевич и, достав смартфон из кармана, набирая номер, пояснил Мире: – Но оставлять мы его не будем. Ему есть к кому поехать ночевать, и не очень далеко отсюда. – Витя, – обратился он к ответившему водителю. – Принеси мою сумку из багажника. Давай. – Он положил телефон на стол и пояснил: – Я сегодня утром прилетел из Челябинска, из командировки. И сумка с вещами так и болтается весь день в машине.

Он заснул практически сразу.

Пока Мира стелила ему на диване, Барташов немного постоял возле сына, разглядывая его, потом быстро умылся и переоделся в легкий спортивный костюм.

– Я оставлю дверь в спальню открытой. – Мира видела, что он уже практически не понимает, что она говорит, вырубаясь прямо на ходу. – Если вдруг Петя проснется, чтобы он мог вас увидеть. Или…

– Угу, – кивнул гость.

– Все. Спокойной вам ночи … – сказала ему Мира тем самым, колдовским голосом, просто так, из шалости.

Он даже не встрепенулся. Спал.

Андрей проснулся совсем рано. У него имелась одна странная особенность организма – безошибочно определять время неким внутренним таймером. Еще не открыв глаза и не пробудившись окончательно, он уже совершенно четко знал, который час.

Расхождения с реальным временем варьировались от пяти минут до пятнадцати, не больше.

Сейчас было полшестого утра. И чего он поднялся в такую рань? Устал зверски накануне, спать бы и спать в удовольствие, тем более что диван оказался и на самом деле очень удобным, главное, широким настолько, что не приходилось упираться локтем в его спинку.

Андрей перевернулся на бок, поерзал, пристраиваясь поудобней, и попытался снова заснуть.

Не-а! Не-а, провались оно все пропадом!

Барташов резким движением откинул край одеяла на спинку дивана и сел, опустив босые ноги на пол.

Вот ведь засада! И чего, спрашивается, не спится?

Он встал, стараясь ступать как можно тише, прошел в кухню, решив попить воды, и обнаружил куда более привлекательную альтернативу простой воде – в центре круглого обеденного стола стоял высокий стеклянный графин с компотом, явно специально приготовленным хозяйкой для желающих утолить жажду, и три кружки возле него.

Мысленно поблагодарив девушку Миру, он налил себе полкружки. Отпил пару глотков, постоял, бездумно посмотрев за окно на улицу, и, прихватив кружку с компотом, пошел в спальню проверить сына.

Андрей застыл в дверном проеме, смотрел на кровать и чувствовал, как к горлу подступает ком от внезапно накативших эмоций.

Они спали, обнявшись, его сын и эта странная девушка Мира.

Не совсем так – Петька лежал на боку, головой на ее руке, одну свою ручку положив ей на бок, а она обнимала его двумя руками за спинку, словно прикрывала и защищала. И было им уютно и хорошо, и это сразу было понятно.

У Барташова болезненно сжалось сердце.

Он вдруг отчетливо понял, что его маленького сынка никто и никогда не обнимал вот так во сне, охраняя и оберегая его, и ни с кем и никогда его малыш не спал в одной кровати.

Кроме одного-единственного случая, когда они заснули с ним вдвоем.

Петьке было года два, когда он подхватил какой-то тяжелый вирус, поднялась высокая температура, и он, малыш, даже не плакал, а словно скулил тихонько от боли, от того, что ему так плохо.

И Барташов все носил и носил его на руках, укачивая, поглаживая по спинке, и шептал бессмысленно-успокоительные слова, и с тревогой заглядывал в полыхающее жаром личико сына.

К утру они оба так умаялись, что заснули на диване – отец положил его себе на живот, даже во сне продолжая поглаживать по спинке. А когда проснулись, температура у малыша спала, и он сразу же пошел на поправку.

Нет, Петенька был любимым ребенком и балуемым в нормальных пределах, иногда и сверх всяких пределов, и обцелованным, и обласканным, все с этим в их семье было в порядке. Но вот…

Андрей не помнил, чтобы Элка, мать Петюши, хоть когда-то вот так спала бы в обнимку с сыном. Она вообще не проявляла особой нежности и редко обнимала-целовала Петеньку.

По правде-то сказать, мать из Элки вышла никакущая.

Нет, она, безусловно, любила сына, без всяких сомнений, но когда, родив, столкнулась с бытовой стороной материнства, то пришла в шок – все эти бесконечные кормления, бессонные ночи, соски-пеленки-распашонки и детский плач…

Начались истерики, нервные срывы, и на помощь дочке в их квартире экстренно поселилась ее мама, а Барташов нанял еще и няньку.

И на какое-то время ему показалось, что все наладилось и нормализовалось.

Ан нет – три месяца Элла покормила ребенка грудью и взбунтовалась. «Я больше не могу, – нервно объясняла она Андрею, – это каждодневное дежавю: одно и то же, одно и то же день за днем по режиму ребенка, словно в петлю времени попала. Я так не могу! Я не хочу терять квалификацию, мне работа моя ночами снится!»

– Какая, на хрен, квалификация у малоизвестного репортера третьего эшелона? – раздражался в ответ Барташов.

– Вот именно! – орала ему в ответ Элка. – Потому и третьесортного, что я сижу тут, в этом захолустье, с ребенком, вместо того чтобы работать и расти как специалист.

И поставила его перед фактом, что уже созвонилась со своим начальством и послезавтра выходит на работу. А приезжать к сыну и мужу сюда, за двести пятьдесят километров от Москвы, она собирается по выходным. А с Петенькой останутся мама и няня.

– Да пошла ты на хрен! – в сердцах вспылил Андрей, хлопнул дверью и ушел на работу.

И не разговаривал с ней, и не спал вместе до самого ее отъезда.

С тещей у Барташова сразу не заладилось, та вдруг принялась его пилить, высказывая сомнения в его состоятельности как мужа, раз жена-красавица от него сбежала, начала наставлять и командовать, стоило Элке уехать.

И принялась вдруг устраивать их с Петей жизнь по ее усмотрению и шуровать в квартире так, как ей хотелось. А вскорости и вовсе заявила, что заберет Петеньку к себе, мол, Андрею он не нужен и даже мешает.

Тещу он шуганул со всей строгостью и выставил за дверь, отправив руководить мужем и огородом. И вызвал свою маму.

Лариса Максимовна, бросив мужа одного, экстренно выехала на помощь сыну.

Продержались таким порядком полгода. Андрей тогда очень много работал, буквально пропадая на заводе, на предприятии был один из самых непростых моментов. Элка приезжала все реже, а в один из очередных приездов заявила, что ей предложили работать спецкором в Европе на полгода и она дала согласие.

Глаза у нее горели, вся она была такая нетерпеливая, возбужденная, все никак не могла усидеть на месте, подскакивала, ходила взад-вперед перед мужем, устроившимся на диване, размахивала руками, рассказывая, какие перспективы карьерного роста открываются перед ней. Грезила собственной авторской программой на федеральном канале.

И клятвенно заверяла, что будет прилетать-приезжать к нему и сыну при любой возможности.

Возможностей приезжать у нее было до фига, но прилетала она всего три раза за последующие три месяца.

Через две недели после ее последнего приезда Барташов переспал с одной интересной дамой. А на следующий день после этого пошел и подал на развод.

– Ну, ладно, – грустно вздохнула Элла по телефону, когда он сообщил ей о своем решении. – Давай разведемся, – и бесхитростно призналась: – Тем более у меня тут роман наметился. Он хороший парень, француз, но с итальянскими корнями по папиной линии. – И пояснила факт своей измены: – Ты же понимаешь, женщине нельзя без мужчины.

Нормально! А что, она считала, что мужчине без женщины можно? В данном конкретном случае Барташову? Или не считала? Ну, о чем-то же она думала, пропадая месяцами вдали от мужа. Или не думала?

А бог ее знает.

Теперь-то он отдавал себе отчет, что совершенно не знал своей жены.

Они поженились семь лет назад, когда завод, на котором работал, вернее, собирался работать Барташов, еще только строился.

Масштабное стратегическое предприятие федерального значения возводилось, что называется, с нуля, и в его строительстве принимали участие люди, которых уже назначенный президентом директор предприятия подбирал на должности будущих специалистов, основного костяка.

В том числе и его, Андрея Барташова, взял в штат Игорь Олегович Богомолов, давний и близкий друг отца, переманив с военного завода, на котором Андрей работал уже несколько лет после окончания института, пообещав интересную работу и серьезную перспективу развития.

Все это – и интересная работа, и перспектива были впереди, а тогда все вкалывали на стройке предприятия.

Вот туда-то, на стройку, и повадились ездить журналисты и телевизионщики разного уровня – от столичных до местных. Одной из журналисток как раз таки местного кабельного телевидения и была Эллочка Волкова, девушка весьма упорная и пробивная во всем, что касалось ее работы.

К высшему руководству кабельный канал не допустили, не тот масштаб, а сбагрили настырную барышню на Барташова – отделайся, мол, как-нибудь.

Как-нибудь он не стал, а дал толковое, содержательное интервью и в тот же день переспал с бодрой журналисткой. И как-то так у них все быстро закрутилось. Ему она нравилась – барышня совершенно в его вкусе: высокая, чуть ниже его, не худышка, а стройная плотненькая блондинка с бюстом-троечкой. Он был влюблен, хотел ее и посмеивался над ее искрящим энтузиазмом и горячим желанием пробиться в ряды ведущих журналистов страны.

Они поженились через четыре месяца, на что не последнее влияние оказал тот факт, что Андрей был коренным москвичом и там, в Москве, жили его родители. Элка и не скрывала своего расчета и откровенно рассказывала Барташову о своих планах перебраться в Москву и сделать там небывалую карьеру, с которой он ей обязательно поможет.

И по глупости и недальновидности Барташов снисходительно посмеивался над этими ее фантазиями и напоминал, что работает здесь, можно сказать, в ее родном губернском городе, и в Москву в ближайшие годы не собирается возвращаться.

– Да ерунда, как-нибудь устроимся, – отмахивалась Элка.

И в общем-то, они устроились. Совсем не так, как хотелось Андрею, но все же. Элка таки мотанула в столицу, уговорив мужа всячески посодействовать, подключить связи, и все же попала на вожделенное телевидение в Останкино. Сначала на региональный канал, но посредством своей пробивной настойчивости скоро оказалась на ведущем федеральном. Для начала восьмой шестеренкой в девятом колесе, но упорство и целеустремленность сделали свое дело.

Виделись супруги исключительно по выходным, не всегда совпадавшим, но Элла приезжала к мужу при любой мало-мальской возможности. Всегда.

А через три года она забеременела. Случайно. Совсем не хотела и не планировала, очарованная строительством карьеры. А тут вдруг…

А Барташов так и вовсе как-то о детях не задумывался. Но рожать ей или нет, это даже не обсуждалось. Элка до последнего все моталась из области в Москву и назад, Андрей ей для этого нанял водителя и выделил машину. Рабочую, а куда деваться.

И осела она возле мужа только на девятом месяце, перед самыми родами, ну а дальше…

Элла вышла за своего полуфранцуза-полуитальянца, отдать ей сына не просила, и Барташов подозревал, что даже и не думала об этом. Но Петьку она любила, скучала по нему и стала настойчиво уговаривать Андрея отсылать сына к ней на какое-то время, но он категорически отказал.

– Я не запрещаю тебе с ним встречаться, Эл, – объяснял Барташов свою позицию. – Сколько угодно и когда угодно, но только здесь. Находи работу в России, хоть временную, или просто приезжай и бери сына хоть на все это время. Но в Европу он не поедет. Про их ювенальную политику я очень хорошо осведомлен. Алексей с Ленкой вон до сих пор не могут ребенка забрать у датчан, никакие суды тем не указ. Съездили поработать семьей по контракту.

– Здесь, во Франции, не так, – уверяла Элка Андрея.

– Нет, Элла, – ответил он так, что дальнейшие споры становились совершенно бессмысленными.

Она приезжала в Россию и вместе с мужем, и одна, а Барташов про себя грустно посмеивался – приезжала гораздо чаще, чем тогда, когда была за ним замужем. Ну, а Петька все так же жил с бабушкой и няней.

После развода Андрея Лариса Максимовна решила забрать Петю в Москву.

– Отец там один живет вот уж второй год, а я здесь. Ты на своей работе пропадаешь, сына и так не видишь: уходишь – он спит, приходишь – он спит, а выходные ты на женщин тратишь. И это правильно. Ты молодой мужчина, тебе нужен, прости за прямоту, нормальный, регулярный секс. А домой ты девушку привести не можешь, у тебя тут мама с ребенком и нянька сидят. Нет, Андрюша, так не пойдет. Давай мы в Москву, а ты каждые выходные и праздники к нам, будь любезен, обязательно приезжай. Так ты хоть с сыном видеться будешь и время проводить.

Он подумал, все взвесил и согласился.

Так теперь и живет на два города.

Барташов сообразил, что за воспоминаниями не только давно допил компот и чашку за собой помыл, но даже успел вернуться в гостиную, улечься на диван, и все это на автомате, и кажется, понемногу засыпает.

Ну и хорошо. Поспать-то надо бы еще.

Мира проснулась оттого, что рядом зашевелился Петька.

– Привет, – прошептал мальчуган заговорщицким голоском и положил ладошку на ее щеку.

– Привет, – прошептала она в ответ тем же тоном. – Как спалось?

– Хорошо спалось! – не удержавшись, вдруг рассмеялся малыш.

В его утренней жизни все было хорошо, и глазки его радостно сверкали.

– Слезть сам с кровати сможешь? – спросила, напустив загадочности, Мира.

Петька подполз к краю кровати, посмотрел вниз, оценивая предстоящий спуск, и уверил:

– Смогу.

– Ну, тогда иди, посмотри сюрприз в гостиной на диване.

– Сюрпри-и-из… – с удивлением и восхищением протянул он.

И Петька закопошился, торопясь за загадочным сюрпризом: шустренько перевернулся на живот и начал сползать вниз, через пару мгновений он уже зашлепал босыми ножками по полу.

Вскоре из гостиной донесся его звонкий голосок, полный чистой бесконечной радости и абсолютного детского счастья:

– Папа! Папочка приехал! Ура!

Мира услышала непонятное ворчание, какое-то копошение и сонный голос Андрея Алексеевича.

– Привет, сынок! – и тут же неожиданное оханье, видать, резвый сынок засадил папане в какое-то особо чувствительное место рукой или ногой. – Ох, Петька, ты меня сейчас угробишь!

– Картинка с выставки, – прокомментировала Мира. – «Утро в семье».

Потянулась всем телом и подбодрила себя словами:

– Вставай, Мира Олеговна, надо гостей кормить.

Коротко поздоровавшись, Андрей Алексеевич поспешил отвести сына в туалет, а после повел умываться в ванную комнату, где они долго возились, бултыхаясь в воде, разговаривали о чем-то, и то и дело оттуда доносился смех Барташова, явно получавшего удовольствие от общения с сыном.

Мира в ожидании своей очереди в ванную приготовила завтрак: что-то разогреваться поставила, что-то печься, заварила чай. И, как только отец с сыном освободили ванную комнату, она заскочила туда, сообщив на бегу:

– Сейчас будем завтракать. Я быстро.

На завтрак она предложила мужчинам, успевшим за время ее отсутствия сложить стопочкой белье на диване и одеться, тыквенную запеканку с ягодами, теплый ореховый рулет, морс, чай и кофе для Барташова-старшего.

– Слушайте, Мира, – удивлялся тот, уминая второй кусок рулета. – Это потрясающе вкусно. Такое все необыкновенное!

– Мне нравится находить интересные рецепты и осваивать необычные и давно забытые старинные блюда. В русле, так сказать, здорового и сбалансированного питания. Хобби такое.

– Очень здорово. И кофе вы варите великолепный, – от души нахваливал гость.

– Вкусненько-вкусненько! – с чувством поддержал отца сынок, доедая свою тыквенную запеканку.

А когда они закончили завтрак, Петька выканючил у отца разрешение на внеплановые мультики и убежал к телевизору, а Барташов попросил у хозяйки повторить кофе.

– Мира, – обратился он к ней с просьбой, когда она поставила перед ним чашку с дымящимся напитком и села напротив. – Я, конечно, понимаю, что это уже слишком, но вы могли бы нам еще помочь?

– Побыть сегодня с Петей? – догадалась девушка.

– Да, – кивнул Барташов и объяснил: – Мне надо сейчас в больницу к маме. Петьку, понятное дело, я с собой не возьму, через несколько дней, когда ее в обычную палату переведут, тогда можно. А после мне необходимо срочно ехать на работу.

– За двести километров от Москвы? – уточнила Мира, вспомнив, что он ей тогда сказал при первом их разговоре.

– За двести пятьдесят, – внес он поправку и сделал пару осторожных глотков из чашки.

– А что у вас за работа, Андрей Алексеевич? – полюбопытствовала Мира.

– Вы что-нибудь знаете про тяжелую промышленность?

– Абсолютно не моя тема, – усмехнулась Мира.

– Ну, так я и предполагал, – улыбнулся Барташов в ответ. – Я работаю на новом современном заводе, входящем в ряд крупнейших заводов федерального назначения. Мы выпускаем турбины разного объема, тоннажа и производственного предназначения как для нужд страны, так и на экспорт.

– Круто, – оценила Мира. – А вы там…

– А я там главный инженер, – закончил он ее предложение.

– Однако, – покивала она уважительно и вдруг спросила: – А сколько вам лет, Андрей Алексеевич?

– Тридцать восемь.

– То есть вам тридцать восемь лет, вы главный инженер здоровенного завода какого-нибудь стратегического назначения, и у вас в подчинении… а сколько у вас в подчинении? – с любопытством уточнила Мира.

– Несколько тысяч человек, – ровным тоном ответил Барташов.

– … несколько тысяч человек, – повторила она и помолчала, разглядывая его. – Вы выглядите старше. Не старее, а старше.

– Я знаю, – чуть улыбнулся он краешком губ и спросил в свою очередь: – А сколько лет вам, Мира?

– Тридцать два, – легко ответила девушка без глупой жеманности.

– Вы выглядите моложе, – оценил он, усмехнувшись.

– Я знаю, – ответила она, в свою очередь возвращая ему его реплику, и улыбнулась.

– Намного моложе, – уточнил Барташов.

А она не поблагодарила за приятный комплимент, что непременно сделала бы любая другая женщина на ее месте.

– Вам повезло, – вместо этого резко сменила Мира тему. – У меня сегодня выходной. Но надо спросить у Пети, захочет ли он со мной оставаться.

– Петя! Сынок! – позвал Барташов. – Беги сюда!

Петька тут же примотал, как быстренький, любопытный бельчонок.

– Что? – спросил он живо, посмотрев сначала на отца, потом переведя взгляд на Миру.

– Петюша, – развернулся к нему Барташов. – Мне надо навестить бабушку в больнице и ехать на работу. А Ия Константиновна заболела гриппом. Я могу отвезти тебя к тете Вере. – Он пояснил для Миры: – Это мамина подруга. – Но, если хочешь, можешь остаться с тетей Мирой и провести день с ней, мы договорились.

– Я с Мирой, с Мирой! – обрадовался вдруг малыш и полез к девушке обниматься.

Мира подхватила его на руки и усадила на колени, несколько оторопев от такого неожиданного для нее, горячего энтузиазма ребенка.

– Я с Мирой, папа! – обнял ее за шею мальчонка, умоляюще глядя на отца. – Она самая лучшая! Я ее люблю!

– Ну и хорошо, – постановил Барташов, в свою очередь подивившись столь неожиданной любви сына, и спросил, скорее автоматически, по своей привычке к руководству: – Может, выработаем какой-нибудь план проведения

сегодняшнего дня?

– У меня есть предложение. – Чмокнув неугомонного Петьку в щеку, Мира поставила его на пол. – Погода замечательная, и я бы предложила поход в зоопарк. Как вы на это смотрите?

– В настоящий зоопарк? – У Петьки даже глаза расширились.

– В настоящий, – подтвердила Мира и поправилась: – Если папа разрешит.

– А чего бы папе и не разрешить?

– Ну, вот и прекрасно, – резюмировала Мира. – Потом возвращаемся домой, обед и дневной сон. После сна положенные ребенку мультики, а потом пойдем на нашу детскую площадку. – И пояснила Барташову: – Мы вчера гуляли на этой площадке, и Петя познакомился с мальчиками, с которыми они такое там устроили, что стонали, наверное, жители всех окрестных домов. В общем, дали жару застойному болоту тихого московского центра. Это было здорово. Как, Петь, смотришь на то, чтобы с новыми друзьями позажигать?

– Смотрю хорошо! – тут же отрапортовал пацан.

– После прогулки вернемся, перекусим и съездим в одну лавку старинных предметов, мне кое-что надо там посмотреть. Купим заодно какую-нибудь интересную сказку, там у них целая куча старинных и уникальных современных книг, и почитаем перед сном. Как вам такой план, мужчины?

– Это очень, очень, очень замечательный план! – обрадовался Петя и потребовал: – Идем в зоопарк!

Заботливый отец план одобрил, выделил на это дело пачку денег, без счета достав их из портмоне и выложив на стол, и резко переключился на свои рабочие дела, начав уже куда-то звонить, отдавать распоряжения начальственным тоном, выслушивать отчеты, пока Мира с Петькой собирались.

А вскоре подъехал водитель на машине, и Барташов, коротко, но искренне поблагодарив Миру еще раз и пообещав приехать за сыном вечером, отбыл на

свою важную работу.

В зоопарке Петька пропал для остального мира.

Глазенки его горели от восхищения, он надолго зависал у каждого вольера, вопил от восторга, делясь со всеми переполнявшими его эмоциями, тыкал пальчиком и посматривал на Миру, призывая ту разделить с ним этот необыкновенный восторг. Они купили специальный корм для обезьян, и оттащить пацана от их вольера было просто невозможно.

Под конец он был так переполнен впечатлениями, что заснул в одно мгновение, как только они сели на заднее сиденье такси, которое вызвала Мира.

Пришлось ей нести ребенка домой, и она с удивлением обнаружила, что вообще-то мальчик тяжеленький. Не младенец.

После дневного Петькиного сна и мультиков Мира решила, что на площадку они не пойдут – вполне достаточно на сегодня с ребенка активной физической нагрузки, носился-то он по зоопарку, как заведенный. И они спокойно на метро поехали на Никольскую, в нужную Мире лавку.

Эта не совсем обычная антикварная лавка, продающая некий микс из старинных и современных оригинальных предметов, была не на самой Никольской, а чуть глубже, во дворах.

Владела этой лавкой семейная пара ее приятелей-художников, которые сами по себе были люди немного странноватые и где-то даже не от мира сего, под стать своему маленькому бизнесу, но настолько интересные, объездившие весь мир и знавшие бесчисленное множество легенд, сказаний, ритуалов разных народов.

Три дня назад Костя, тот самый владелец, позвонил и, напустив туману, сказал, что привез удивительную старинную куклу для балагана, и предлагал ей зайти посмотреть.

Куклу Мира изучала с профессиональной заинтересованностью, а вот Петька…

Сегодня у ребенка сложился прямо-таки сказочный во всех отношениях день, и стоило ему переступить порог лавки, как он задохнулся от восторга и, округлив глазки, начал озираться по сторонам, раскрыв рот.

А тут еще подоспела и Маргарита, жена Кости, которую вполне можно было принять за волшебницу, в ее весьма оригинальном наряде из каких-то кусков неровно сшитой ткани, ленточек, карманов и висючек и, взяв Петюшу за ручку, повела показывать ребенку всяческие чудеса: старинные игрушки, музыкальные шкатулки и сказочные расписные книги.

– Рита, – напутствовала их Мира, – ты нам с Петей книгу какую-нибудь подбери сказочную.

– О… – сказала Маргарита особым волшебным тоном, обращаясь к мальчику. – У меня есть одна очень сказочная книга. Хочешь посмотреть?

– Хочу… – шепотом протянул совершенно зачарованный Петька и кивнул по своей любимой привычке.

– Ну, все, эти двое заняты надолго, – констатировала Мира и повернулась к Косте: – Ну, показывай свою куклу.

Кукла оказалась перуанской, довольно тяжелой, сделанной для проведения определенных обрядов. Она была жестко насажена на деревянную раму для удобства, чтобы ее можно было по нескольку раз проносить по кругу во время чтения заклинаний. Мира таких уже встречала.

Она не просто интересовалась историей мирового кукольного искусства, стараясь изучить кукол разных народов, а была довольно глубоко погружена в эту тему и считалась неплохим специалистом в данной области, в определенных, понятное дело, кругах. Но ни одной куклы никогда не держала дома, как не хранила и никаких игрушек, безделушек в виде животных или тех же кукол – ни одного предмета, хотя бы отдаленно напоминавшего живое существо, именно в силу глубоких знаний предмета.

Она порекомендовала Косте одного коллекционера, который наверняка заинтересуется его новым приобретением, тут же позвонила ему и свела напрямую с Константином, дав свою экспертную оценку экземпляру.

Они с Петрушей купили у ребят прекрасную книгу сказок с иллюстрациями в стиле Васнецова и отправились домой.

Дома, после ужина, убрав на кухне, Мира громко заявила:

– Все! Не хочу читать, не хочу играть! Хочу валяться и отдыхать!

И упала на кровать, закинув ноги на спинку.

– И я не хочу играть, хочу валяться! – подхватил Петька и плюхнулся рядом с ней.

Попробовал было закинуть так же, как она, ноги на кроватную спинку, да просчитался с расстоянием, не дотянулся. Тогда он шустро так и смешно попкой, попкой по кровати придвинулся поближе и с третьей попытки таки пристроил ножки, подражая Мире.

– Давай болтать, – предложила она ребенку.

– Давай! – согласился пацаненок.

– Расскажи, ты в детский сад ходишь?

– Хожу, – попытался кивнуть Петька. – Меня бабушка и Костатина водят. Там у меня друзья.

И он принялся рассказывать про детсадовских друзей и про игры, в которые они там играют, и закончил:

– Только я не на весь длинный день хожу. После сна меня забирают, и я смотрю мультики дома и уже с бабушкой живу.

– Хорошо тебе, – позавидовала пареньку Мира.

– Хорошо, – согласился Петька.

– А с папой ты часто видишься?

– Папа по выходным всегда-всегда приезжает, – размахивал ручонками малыш. – И мы с ним играем вместе. Или ездим на машине в дома разные за город.

– В какие дома? На дачи, что ли?

– Да. Дачи. К дяде Леше с тетей Леной, у них есть детки, только Васи сейчас нет. И к дяде Кириллу, там есть Вика с Толей, и мы все там играем.

– А еще куда ездите с папой и чем занимаетесь?

– Мы летали на самолете. Один раз, – размахивал он ручонками. – Далеко. И я смотрел в окно. Там внизу была земля.

– Да, это здорово. Я тоже люблю смотреть. А окно в самолете называется иллюминатор. Один раз летали?

– Один раз. Туда. – Он махнул рукой. – К маме.

– Ты часто с мамой встречаешься?

– Мы тогда встречались, но были с папой. Он с нами был. А мама приезжала потом, и я у нее ночевал и с ней был. А потом еще был с ней. – И у него вдруг резко поменялось настроение: насупился, свел бровки, словно вспомнил о чем-то неприятном, и как будто закрылся.

– Эй, – осторожно позвала его Мира, сняла ноги со спинки и повернулась к нему на бок. – Ты чего, малыш?

– Я не люблю с мамой, – вдруг доверительным шепотом признался ребенок.

– Почему? – тоже шепотом спросила Мира.

– Я все время что-то не то делаю, и она ругается на меня, потому что я бестолковый. И кричит.

– Ты что, – придвинулась она к малышу поближе и начала тихонько поглаживать его по грудке, успокаивая, – пугаешься, когда она кричит?

Он тревожно посмотрел на нее и кивнул.

– Ты ее боишься?

Он снова кивнул. А Мира постаралась поскорей переключить внимание малыша с болезненной темы.

– Мама где-то далеко, а ты с бабушкой и папой. И они тебя никому не отдадут. Никогда. Ты же знаешь. И любят тебя, такого замечательного мальчика. И ты вовсе не бестолковый, а очень даже толковый, смелый и умный. – И бодрым тоном предложила: – А идем-ка компотику попьем, да с рулетиком, а?

– Идем, с рулетиком! – обрадовался Петька.

И компот они испили с рулетиком, и порисовали немного, и книжку почитали, под которую Петька уже начал клевать носом.

И именно тогда зазвонил смартфон Миры. Объявился отец замечательного мальчика Пети.

– Мира, добрый вечер, – начал Барташов деловым тоном.

– Добрый, Андрей Алексеевич, – поздоровалась она ответно.

– Как вы там?

– Да хорошо, – посмотрела она на засыпающего ребенка. – Петька вон собирается спать, умаялся за день.

– Нет-нет, вы его разбудите, пожалуйста, – поспешил попросить Барташов. – Сейчас за ним приедут мои близкие друзья Алексей и Лена и заберут его к себе. У меня никак не получается вырваться.

– Ничего. Думаю, он не обидится, – поняла девушка.

– Они вот прямо сейчас подъедут. И, Мира, мы вам бесконечно признательны и благодарны за помощь. Сколько…

– Давайте без дешевой пошлости, Андрей Алексеевич, – перебила его Мира.

– Да давайте-то давайте, – вздохнул он в трубку. – В общем-то, я так и думал, но спросить должен был. Вы понимаете?

– Я понимаю. Без проблем, – заверила его Мира и услышала звонок в дверь. – А вот и ваши друзья приехали.

– Спасибо вам еще раз, Мира, огромное.

– Обращайтесь, – усмехнулась она. – Прощайте, Андрей Алексеевич.

– До свидания, – поправил он.

Петька таки заснул, да так глубоко, что не почувствовал, как Мира передает его с рук на руки другу Барташова. Не забыла она отдать и оставшиеся после их небольших трат деньги.

На следующий день Мира все думала о мальчике Пете, вспоминала его, непроизвольно улыбаясь этим воспоминаниям, и повторяла, как заклинание:

«Это чужие люди, чужая семья со своими проблемами и трудностями и со своей жизнью. И это замечательный, но чужой мальчик».

Собственно, так оно и есть на самом деле. И глубоко погружаться в чьи-то проблемы даже мысленно Мира не собиралась. И, кстати, у мальчика Пети все в полном порядке: он окружен заботой и вниманием. И у него есть по-настоящему любящий отец, не номинально и на расстоянии, а реально присутствующий в жизни сына.

Да, папеньку его она тоже вспоминала. Главный инженер – надо же! И даже не поленилась поискать информацию в Интернете. Ни в одной соцсети господин Барташов не значился, по крайней мере, под своим именем-фамилией. Может, он и имел свою страничку под каким-нибудь ником, но вот почему-то Мира была уверена, что нет. Игнорирует он эту систему общения. Зато, изучив информацию о его предприятии, Мира нашла фотографию Барташова на официальном сайте завода, а также статью, где он рассказывал о родном предприятии и планах его развития, и сжатую, коротенькую информацию о его пути к нынешней должности.

Так что у этого ребенка все в порядке, вон у него какой выдающийся отец. Вот и прекрасно. Жизнь этих людей ее вот точно не касается.

Так повторяла она себе, но почему-то на следующий день у нее поселилась странная уверенность, что кто-нибудь из взрослых даст Петеньке телефон позвонить. И все ждала этого звонка, мысленно поругивая себя за глупое ожидание.

И все же…

Он не позвонил. Никто не позвонил. Ни на следующий день, ни через день, ни через неделю.

Что лишь подтвердило: чужие люди, чужая семья, и их жизнь ее никоим образом не касается.

А вскоре за своими собственными делами и заботами мальчик Петенька с его папашей и их делами как-то отодвинулся на задний план.

Забыть этого мальчика Мира уже не смогла бы ни при каких обстоятельствах – слишком сильными были те новые чувства, которые этот ребенок в ней вызвал. Словно их навсегда связало невидимой, но крепкой нитью.

Случился очередной трудный разговор с Колей, закончившийся новым раздражающим приступом вины у Миры, оба театра, с которыми она вела переговоры о переходе, дав предварительное согласие, отложили окончательное решение на начало сезона.

А тут еще подоспели как всегда суматошные, суетливые гастрольные сборы. И Мира, повздыхав, отправилась в гастрольный тур в составе труппы, в которую в том числе входил и Коля Ростошин.

Те еще будут гастроли, отчетливо понимала она.

«Господи. Как хорошо-то, а! – думала разомлевшая Мира. – Вот так бы лежать и лежать на пляже, и никаких проблем!»

Наплававшись в теплом море, она дремала, развалившись на шезлонге в тени навеса, и мечтала о далеком отпуске.

В этом курортном городе их театр находился уже третий день. Сегодня выпал долгожданный выходной, потом будет еще напряженный рабочий день с утренним и дневным спектаклями, и они поедут дальше по плану гастрольного тура.

Народ почему-то решил отправиться на какую-то замысловатую экскурсию и за подарками-сувенирами, а Мира наотрез отказалась от этой ерунды, решив провести день на пляже.

Нет, ну а как? Приехать на крутой курорт, в летний сезон, и тащиться на какую-то экскурсию, вместо того чтобы поплавать вволю и поваляться на пляже в единственный законный выходной.

Не-е, «этот Ленин не для нас», как говорится в том анекдоте. Мира сразу решила отколоться от коллектива, но предусмотрительно никого не посвятила в свои планы, а откровенно сбежала совсем еще ранним утром из гостиницы, тщательно конспирируясь, надеясь, что ни страдающий любовным слабоумием Коля, ни какой другой член их труппы ее не найдет на этом огромном, тянущемся на километры вдоль моря пляже.

И вот уже несколько часов нежилась в тенечке и плавала в море, заплывая за буйки, раскидывая руки и ноги и бултыхаясь на волнах, отдаваясь на волю течения.

Хорошо! Хо-ро-шо! Вот кайф! Кра-со-та!

Лежать бы так и лежать и не двигаться. Только пить хочется, да и есть тоже, если честно.

Она перевернулась с живота на спину, порассматривала людей из-под широких полей своей шляпы и таки решила, что надо дойти уже до какого-нибудь кафе.

Проходя мимо очередного ряда столиков на постаменте открытой веранды, за ограждением с цветочными кашпо, она вдруг увидела знакомое лицо. Ну, точно! Это же папа мальчика Пети Барташова!

Точно он.

И не сомневаясь ни секунды, Мира решительно направилась в кафе.

– Здравствуйте, Андрей Алексеевич, – добродушно поздоровалась она, подойдя к нему сзади.

Мужчина резковато обернулся, скорее всего от неожиданности, но сразу же ее узнал и открыто, приветливо улыбнулся в ответ.

– Здравствуйте, Мира! – поприветствовал он, поднявшись с места, и предложил: – Присаживайтесь.

Мира кивнула, благодаря за приглашение, и села за столик, непроизвольно успев, чисто по-женски, оценить его фигуру и загар. Все очень достойно и даже более того – и фигура, и загар, и дорогие плавки-шорты.

– Вы здесь отдыхаете? – первой спросила она.

– Да вот отпуск неожиданный на недельку перепал, – кивнул господин Барташов. – Что-нибудь выпьете?

– Я бы выпила чего-нибудь холодного, сока или безалкогольный коктейль, например, – согласилась Мира.

Барташов призывно махнул рукой официанту, маячившему где-то у дверей кафе.

– Как там Петенька? – спросила Мира.

– Петя хорошо, – улыбнулся по-доброму Барташов. – Все вас вспоминает. Просится в гости.

– А мама ваша как? Выздоровела?

– Мама выздоровела. Сейчас в полном порядке.

– Вы тут с семьей? С Петенькой? – спросила Мира и поглядела вокруг, выискивая взглядом ребенка где-нибудь поблизости.

У нее от предвкушения возможной встречи с малышом сделалось тепло и радостно на душе.

– Нет, – ответил Андрей Алексеевич. – Петя сейчас с мамой. Она с мужем приехала работать в Москву на несколько месяцев, и сын это время поживет с ними.

– Как с мамой! – охнула Мира.

У нее что-то оборвалось внутри от этой новости. Ей неожиданно и совершенно реально на какое-то мгновение сделалось плохо.

– А в чем дело, я не понял? – удивился Барташов.

– Ну, как же так, с мамой! – чуть не плача, негодовала Мира. – Он же ее боится!

– Кого? – откровенно обалдел Андрей. – Эллу?

– Я понятия не имею! – расстроилась Мира. – Наверное, Эллу, если так зовут его мать!

– А что тут происходит? – вдруг возникло, как ниоткуда, крутое женское бедро прекрасной формы. – С кем ты тут беседуешь, дорогой?

И Мира подняла взгляд от этого самого гладкого загорелого бедра и, запрокинув голову, посмотрела в лицо блондинки.

– Это любимая подруга моего сына, – торопливо пояснил Андрей, наклоняясь вперед, чтобы видеть Миру.

– А-а-а, – пренебрежительно протянула блондинка. – Няня. Понятно.

И, переступив ногами, как породистая лошадь, развернулась спиной к Мире, встав между ней и мужчиной так, словно загораживала Барташова от девушки.

– Дорогуля, – промурлыкала она и, заметив подошедшего официанта, резко сменила тон на командный: – Принесите мне «Мохито»! – И снова по-кошачьи мурлыкнула Барташову: – Ты знаешь, я там нашла совершенно прекрасную вещицу…

Мира встала и вышла из кафе. Молча.

Ей была глубоко безразлична эта отшлифованная загаром баба и, по большому счету, безразличен этот Барташов. Она так ужасно, так невероятно расстроилась из-за Петьки, мгновенно представив себе так отчетливо и ярко, как он боится, маленький, сжимается весь, когда над ним нависает и, отчитывая за какую-то тупую фигню, кричит на него родная мать.

Так ужасно расстроилась. Да какое там расстроилась! Она просто в ауте была от такой новости!

Шла куда-то, не понимая, куда бредет, и чуть не плакала от переживания и бессильной досады, чувствуя какую-то тупую, ноющую боль в сердце. И пыталась говорить себе, что это ее не касается, что это чужая семья и их семейные дела, но…

Кто-то с силой ухватил ее за предплечье и развернул к себе лицом.

– Мира, подождите! – потребовал жестким тоном Барташов. – Что вы там такое сказали про то, что Петька боится матери? Откуда вы это взяли?

Ей хотелось его ударить. Вот размахнуться как следует и треснуть от души! Отдыхает он тут на пляже с бабищами, а Петюша там… Она смотрела на него, как на врага какого, но сумела справиться с собой, превозмогла свои неожиданные эмоции и объяснила:

– Он сказал, что не любит оставаться с мамой, – ответила Мира, стараясь сдерживаться, чтобы не наговорить грубостей, – потому что с ней он все не так делает и она его ругает за то, что он такой бестолковый, и кричит на него. А он боится, когда она кричит. – И отчитала, не удержалась все-таки: – Вы его отец, разве вы не знаете, чего, кого и почему боится ваш ребенок?

– Я знаю! – рявкнул Барташов на нее. – Я все знаю про своего ребенка! И мне он ни разу не говорил, что боится матери!

– А что он вам говорил? – тоже повысила голос Мира. – Радовался сильно, когда вы его к маме отправляли? Прыгал от счастья и нетерпения? Кричал: «ура! Я к маме поеду!»? Или просил остаться дома? Вы его-то спрашивали, хочет он к ней или нет? Вы вообще когда-нибудь с ним о его матери разговаривали? – И, окончательно разойдясь негодованием, душившим ее, потребовала: – Пустите меня! – и попыталась вырвать свою руку.

Он не пустил. Побуравил ее взглядом, всматриваясь в ее лицо, и вдруг высказался:

– Вы придумали всё. Специально, – ровным, без крика и надрыва голосом заявил Барташов. – Непостижимым образом Петька сильно привязался к вам всего за пару проведенных вместе дней и скучает. А вам показалось, что у вас с ним сложились какие-то особые отношения, вот вы его и приревновали к матери и наговариваете на нее.

– Да пошел ты! – резко выдернув руку из захвата, с чувством послала Мира его подальше. – Петьку только ужасно жалко! Ужасно! Как представлю… А ты, блин… – но удержалась на грани рвущейся грубости, ограничившись уничижительным презрением, – …«дорогуля»!

Развернулась и пошла от него подальше.

С пляжа она ушла сразу.

Какой там теперь отдых и нега курортная!

Мира не могла найти себе места. От тревоги за малыша и бессилия мысли ее метались, подкидывая ее богатому творческому воображению варианты спасания Петьки один краше другого.

Позвонить этому Барташову и «докторским» тоном что-то там наплести, вызнав телефон его мамы, например, что-нибудь про перепутанные документы. А у этой его мамы каким-нибудь другим голосом вызнать адрес этой Эллы. Полететь прямо сейчас и как-то вытащить у мамаши дурной Петьку…

И Мира с раздражением трясла головой, стараясь избавиться от этого бреда, и напоминала себе, что у ребенка есть любящие родители. И папаша этот хоть и идиот, но все-таки по-настоящему любит сына и заботится о нем, и не дурак же он конченый, в конце-то концов, может, хотя бы проверит, как дела у ребенка. И спросит у самого Петьки.

Гоняла эти мысли в голове, крутила. Как заезженную пластинку, постоянно напоминая себе, что это не ее дело и совершенно ее не касается, что у этих людей своя семья и свои дела, никак не относящиеся к ней и ее жизни.

И спрашивала себя в тысячный раз: мог Петька насочинять про такое? И отвечала ту же тысячу раз – ну, конечно, мог, это же ребенок, мало ли какие у него фантазии. И все прокручивала в голове тот их разговор с малышом и понимала, чувствовала сердцем, что он говорил ей правду.

Эта неожиданная неделя отпуска выпала совершенно случайно. Андрея вызвал к себе Богомолов и порадовал:

– Вот что, Андрей, я тут подписывал отпускные графики и посмотрел, что твой отпуск стоит на сентябрь. А у нас в сентябре Форум в Сочи. Давай-ка так: недельку дам тебе сейчас, а одну неделю от отпуска поработаешь со мной в

Сочи. Тем более там будет научная конференция по нашему профилю, а вечерочком можно и покурорствовать после работы. Кстати, заодно можно и защиту твою тогда же устроить?

– Да какая защита? – отмахнулся устало Барташов.

– А такая, – надавил голосом Игорь Олегович. – Давно пора и назрело. Ты ее когда еще написал? Года два назад?

– Ну, написал, – вяло подтвердил Андрей. – Так интересно же было: на основе внедрения новых технологий.

На самом деле, когда разворачивали и налаживали производство, прилетела целая научная группа из Москвы, которая внедряла те самые инновации, о которых так много говорят. И работали они в сотрудничестве с ним, с главным инженером. Андрей тогда настолько увлекся научными внедрениями, что и сам предложил несколько новаторских идей, которые улучшали и дополняли проект. И руководитель научной группы прямо-таки настоял, чтобы он все это официально оформил как открытие и дал полное описание, что и вылилось в некое подобие кандидатской диссертации.

И тот же руководитель настоял пройти и сдать все необходимые минимумы и требования для сдачи диссертации. Сам, лично взявшись ее курировать как научный руководитель.

На кураже и горячем интересе Барташов и не заметил, как написал целый научный труд, с обоснованиями, графиками, выкладками и результатами исследований. Но на этом все и закончилось – какая защита? Вы о чем? Начались такие рабочие будни по пуску предприятия, что они всем коллективом спали часа по три в сутки несколько месяцев подряд.

А потом и вовсе не до нее стало. Да и вообще… Иногда, когда приезжает научная группа для тестирования и внедрения чего-то нового на завод, все напоминают ему, да какое там… за делами-то насущными.

– Так написал же и все положенные минимумы сдал и предварительные защиты, – давил авторитетом генеральный. – Давай-давай, нечего это дело задвигать. И тебе хорошо, и предприятию для престижа не помешает. А с

научниками на защиту я договорюсь, да они и сами рады будут, – и уже спросил, скорее в качестве уважения, а не совета: – Ну как, согласен с таким раскладом?

– А у меня есть варианты? – усмехнулся Барташов.

– Есть, – улыбнулся довольно Богомолов. – Вообще остаться без этой отпускной недели.

– Без недели не хочу, – вздохнув тягостно, решил отказаться от предложенного выбора Андрей.

– Вот и договорились, – постановил генеральный, подписывая приказ.

Получилась даже не неделя, а, считай, десять дней: уже в пятницу утром Барташов подписал необходимые документы, оформил отпуск и отбыл до следующего понедельника.

Сразу же после разговора с Богомоловым он позвонил Илоне.

– На курорт слетать на недельку не хочешь?

– На Мальдивы, Сейшелы или в Ниццу? – промурлыкала та.

– Это с другими дядечками, – усмехнулся Андрей. – Со мной на Кавказ.

– Ну, Андрюша, дорогуля, – изобразила девушка обиду, надув губки. Он точно знал, что надув, даже представлял, как она сейчас изогнулась эротично на кровати или диване, прогнула спинку и уложила эти свои полные губки. – Зачем ты так говоришь и обижаешь меня. Не нужны мне никакие другие дядечки, ты же знаешь. Я тебя люблю.

– Люблю – это хорошо, – признал Барташов и переспросил: – Ну и как насчет Кавказа?

– Когда? – деловым тоном осведомилась девушка.

И он усмехнулся про себя – все, спинку не гнем, губки не надуваем: по-деловому четко прикидываем, что с собой взять, что можно получить в этой поездке и в какой гостинице подороже снять номер.

– Думаю, завтра. Сейчас билеты закажу.

– Бизнес-класс, – напомнила строго Илона.

С Илоной он познакомился месяц назад на масштабном мероприятии – съезде промышленников России. По большому счету, для человека непосвященного, довольно скучном деловом собрании, на котором обсуждались сугубо технические, деловые и профессиональные проблемы и проекты, заключались договоры, разрабатывались дорожные карты и так далее.

Девушка Илона работала на этом масштабном съезде одним из администраторов-распределителей. А если честно, скорее украшением этого собрания деловых мужчин в строгих костюмах, как и несколько других девушек-администраторов.

Нет, что-то они все-таки там делали, эти барышни, и даже администрировали и исполняли какие-то обязанности, но не суть.

Девушка Илона была настолько в его вкусе и так привлекательна, что, глядя на нее, Барташов чуть не облизывался, как пресловутый кот на любимый деликатес. Лакомая – подходило ей определение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/serdce-prosit-schast-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити